

Всякий раз, когда крупный член прокладывал путь внутри, двигаясь туда-сюда, цвета окружающего мира исчезали один за другим. В конце концов перед глазами осталась лишь белая пелена. Скрип старой кровати смешивался со стонами двух людей, разносясь по комнате.

— Эйра, х-хы, ах, ух... ха-а!

Горячее дыхание рассыпалось по шее, плечам и у самого уха. Осознав, что Яну возбуждён ничуть не меньше, чем он сам дрожит от удовольствия, Эйра содрогнулся. Когда руки Яну отпустили его талию, схватили простыню и с треском разорвали её, словно бумагу, по спине пробежал холодок. На предплечьях и тыльной стороне ладоней мужчины, упёршихся в матрас прямо у лица Эйры, синими жгутами вздулись и пульсировали вены.

Но это длилось лишь мгновение. Стоило Яну перехватить свой одиноко покачивающийся член и потереть его, как нить восприятия Эйры окончательно оборвалась. Сладостное чувство рассудка, распадающегося на куски, было непередаваемым. Большой и указательный пальцы, словно тогда в иглу, обхватили головку и начали массировать.

Орудие мужчины, больше напоминающее боевое оружие, вошло глубже половины, но боли почти не было. Всего после нескольких фрикций круто нарастающее удовольствие прорвало плотину и хлынуло потоком.

Всё сущее было сметено этой волной и исчезло.

Прошло несколько секунд или, может быть, минут? Когда смытый волной рассудок вернулся, Эйра обнаружил, что жадно хватает ртом воздух. В ушах гулко стучало сердце: ту-дум, ту-дум.

Пока он лежал ничком на кровати, пытаясь выровнять дыхание, член медленно выскользнул наружу. От странного ощущения, будто вслед за ним вытягиваются внутренности, тело само собой вздрогнуло.

Яну успокоил своё грубое дыхание всего одним медленным вдохом. Он протянул руку и перевернул Эйру на спину. Их взгляды встретились, и томно моргающие серо-голубые глаза расширились.

Алые глаза Яну блестели, налившись кровью ещё ярче, чем обычно. Хотя он только что излил в тело Эйры всё, что мог, его чёрные зрачки по-прежнему были полны голода. Посмотрев так некоторое время, он наклонился, словно собираясь наброситься.

Эйра, подумав, что Яну сейчас проглотит его целиком, лишь тупо хватал воздух. Рот раскрылся, и красный язык, мазнув по уголку губ, скользнул внутрь, как змея. Яну склонился ниже, обнажая белые острые клыки. От напряжения белые веки Эйры затрепетали.

Но, вопреки ожиданиям, Яну не стал разрывать Эйру на куски, а поцеловал. Это был на удивление нежный и мягкий поцелуй.

□

— Я... ум... ру...

Стоило Эйре простонать это со вздохом, как Яну, ухитрившись услышать даже такой тихий голос, отреагировал. Он как раз расслабленно и лениво любовался видом из окна. Ему что, нравится стоять у окна голышом? Видимо, он очень гордится своим телом. Ну, тело у него и правда было таким, что...

Яну подошёл к распластанному на кровати Эйре, бегло — для вида — оценил его состояние и, притворно утешая, похлопал по плечу:

— Всё в порядке, не умрёшь.

Вообще-то, в порядке ничего не было.

Когда Яну начал целовать его, Эйра подумал, что это своего рода ласки «после». Но нет. Это были не ласки «после», а прелюдия к следующему раунду.

Яну лишил Эйру рассудка чертовски сладким поцелуем, а затем незаметно пробрался между ног. Продолжая целовать так, что и возразить было невозможно, он в итоге снова втиснул внутрь эту страшную штуковину.

В первый раз поясница просто расплавилась, но после второго и третьего раза казалось, что она рассыпалась в прах. При этом техника у него была, безусловно, потрясающая, так что Эйра несколько раз побывал в экстазе.

Проблемой стали последствия. Всё тело болело, словно его избили, руки и ноги не слушались.

Больше всего пугало ощущение, что сзади всё так и осталось раскрытым. Эйра в страхе потянулся туда рукой. Ощупав всё, он понял, что ничего не раскрыто, но всё так опухло, что даже палец толком не входил. С одной стороны, он испытал облегчение, с другой — пожалел, что снова нагрузил мышцы работой. Стоило лишь завести руку назад для проверки, как с губ сам собой сорвался стон.

«Неужели у меня выносливость упала?»

С сомнением вызвав окно статуса, он убедился: выносливость и правда снизилась примерно на 30 единиц. Драгоценная выносливость, которой и так в среднем не набиралось даже на 1000...

Зато Яну, не получив и царапины, щеголял стальным здоровьем в 9 999 999 единиц.

В это невозможно было поверить. Самым пугающим было то, что Яну, похоже, ещё сдерживался, считая, что это «первый раз».

Пока Эйра лежал неподвижно, надеясь восстановить силы, Яну забрался на кровать. Он прислонился к изголовью и подтянул к себе Эйру, который от холода свернулся в кокон из одеяла, укладывая его поверх своего тела. Видимо, секс поднял ему настроение — он мурлыкал какую-то мелодию, играя растрёпанными серебристыми волосами мага. Однако уровень симпатии по-прежнему оставался на отметке 3.

«Похоже, привязанность через тело у него тоже не возникает».

Слегка разочарованный Эйра позволил партнёру играть со своими волосами и положил голову на его твёрдую грудь. Мерное движение грудной клетки при дыхании успокаивало. Но странный мотив напеваемой мелодии был невыносим, и Эйра не удержался:

— У тебя нет слуха...

— Угу, видимо, бардом мне на жизнь не заработать.

Парировав, Яну сжал в кулаке прядь шуршащих серебристых волос, а затем позволил им рассыпаться. Он отвёл волосы со лба Эйры, открывая его округлый лоб, а затем принялся разминать пальцами вновь побелевшую ушную раковину.

От щекочущих прикосновений сонливость, накатывавшая волнами после соития, отступила. Эйра на миг насторожился, подумав, не собирается ли тот снова начать, но прикосновения казались лишёнными похоти. Эйра снова расслабил тело и пристально посмотрел в лицо Яну.

Если так посмотреть, это было лицо просто очень красивого мужчины. Лоб под растрёпанными алыми волосами, переносица, линия подбородка — всё было ровным и гладким. К тому же кожа была чистой и нежной, словно он за всю жизнь ни разу не страдал от прыщей. Глаза цвета рубина выглядели немного пугающе, но были до зависти прекрасны.

Пока он любовался внешностью партнёра, пальцы, бродившие по лбу, спустились к щеке. Алые глаза, потемневшие от того, что Яну склонил голову, чтобы сосредоточиться на Эйре, смотрели не совсем так, как смотрят на любимого. Это было лишь ощущение, но, если попытаться описать, взгляд был ближе к тому, каким смотрят на довольно удачную вещь.

«Хотя совместимость у нас и правда неплохая».

Телу было тяжело, но стресс и сексуальное напряжение определённно ушли. Яну, похоже, недавний секс понравился не меньше, а то и больше, чем Эйре. На его губах играла довольная

улыбка.

— Хм, мне нравится.

Пробормотал Яну, словно выставляя оценку. Он молча разглядывал лицо Эйры, поглаживая его, а затем развернул одеяло, в которое тот был замотан, словно снимал обёртку. С удовлетворением осмотрев кожу, покрытую пятнами синяков и укусов, он снова укутал Эйру, когда тот задрожал от холода, и сказал. Алые глаза сузились в улыбке.

— Ты красив везде, без исключения.

Посторонний, услышав это, подумал бы, что он действительно влюблён. Будь Эйра обычным человеком, он бы растаял от такого нежного комплимента. И Эйра бы растаял. Если бы не видел окна статуса.

С каждой встречей поведение становилось всё слаще, словно пропитанное мёдом, но уровень симпатии оставался неизменным.

Стоило сердцу немного смягчиться, как мысль о том, что эта нежность — лишь навык, отработанный на прошлых любовниках, портила настроение. Говорят, куда тело, туда и сердце... Эйра снова мысленно одёрнул себя, напоминая, что нельзя слишком сильно увлекаться этим мужчиной.

Однако следующие слова снова пошатнули его решимость.

— Когда у тебя день рождения?

— Мой день рождения?

Кажется, Яну впервые спросил о нём что-то личное. «Неужели секс был настолько хорош?» — подумал Эйра, склонив голову, и ответил:

— 23-го числа восьмого месяца.

Он никогда особо не праздновал дни рождения, поэтому забыл об этом, но, если подумать, дата уже совсем скоро. Эйра тоже спросил Яну:

— Яну, а у тебя когда день рождения?

— Не знаю, не помню. Никогда не отмечал.

Впрочем, возможность отмечать дни рождения — это привилегия общества с определённым уровнем развития быта и технологий. Чем тяжелее жизнь, тем меньше люди думают о праздниках. В этом мире большинство людей даже своего точного возраста не знали.

— Есть какой-то подарок, который ты хотел бы получить?

Сдержав порыв сказать: «Отдай мне своё тело», Эйра на мгновение задумался. Вскоре в голове начали всплывать разные желания. Но в этот момент он вспомнил совет Джинаса: «Магию, слова и действия нужно украшать как можно красивее». Эйра мысленно отодвинул список желаний в сторону.

— Магических камней тысяч на сто сел... то есть нет, одежда... или, может, редкая книга?..

Эйра попытался скромно изобразить попытку завоевать симпатию любовника, на что Яну усмехнулся.

— А как насчёт магического зверя?

Глаза Эйры забегали. Яну нажал пальцем на кончик его круглого носа и озорно улыбнулся.

— Почему ты вдруг притворяешься? Ты же хочешь масу, верно?

Прежде чем Эйра успел что-то ответить, Яну продолжил, словно читал его мысли:

— Ну, я понял. Ты хочешь поймать живьём какого-нибудь редкого и трудноуловимого зверя, чтобы ставить на нём эксперименты и вскрывать, так?

Это был идеальный анализ характера мага, который 20 лет гнил в Лабиринте, изучая монстров, и только недавно вышел в свет. Эйра, не в силах больше отрицать, кашлянул и добавил:

— Особь с красивыми глазами.

— Ага, с красивыми глазами. Ладно, хорошо.

Он никогда не волновался из-за дня рождения, но, услышав ответ Яну, сердце Эйры забилося в предвкушении. Наверное, так чувствует себя ребёнок, ожидающий подарка от Санты на Рождество.

Эйра пролежал в объятиях Яну до самого заката, болтая о том о сём. Неважно, насколько сильно он любил Яну или Яну любил его, он определённо чувствовал спокойствие, находясь рядом с ним.

Отдохнув таким образом, он восстановил около половины потраченной выносливости. Решив, что пора возвращаться в замок лорда, Эйра со стоном поднялся. Он отряхнул одежду, валявшуюся на полу, и начал одеваться. Яну, наблюдавший за этим с кровати, спросил:

— Встретимся завтра?

<http://bllate.org/book/14410/1273962>